

Библиография

1. Пивоваров Ю. С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. — М., 1997.
2. Сперанский М. М. Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. — СПб, 2002.
3. Томсинов В. А. Жизнь замечательных людей: Сперанский М. М. — М., Молодая гвардия, 2006.
4. Хитрова С. Ф., Худушина И. Ф. Русский реформатор М. М. Сперанский. — М., 2001.
5. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. — М., 1993.

Захватова Лидия Эдуардовна

Аспирант кафедры истории социально-политических учений

факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Характеристика специфики политической мысли Латинской Америки в трудах Леопольдо Сеа

Аннотация

Леопольдо Сеа (1912–2004 гг.) — известный мексиканский ученый, который создал уникальную концепцию культурно-исторической самобытности Латинской Америки. Этот регион, который на протяжении нескольких веков находился в поисках возможных путей политического и исторического развития, пытался выработать собственную идентичность. Сеа характеризует политическую мысль Латинской Америки, говорит о ее специфических чертах и пытается понять, каким образом идеи повлияли на историческое развитие региона.

Ключевые слова: Латинская Америка, Леопольдо Сеа, проект истории.

Леопольдо Сеа (1912–2004 гг.) — известный мексиканский ученый, который создал уникальную концепцию культурно-исторической самобытности Латинской Америки. Этот регион, который на протяжении нескольких веков находился в поисках возможных путей политического и исторического развития, пытался выработать собственную идентичность. Эти вопросы нашли свое отражение в творчестве всех латиноамериканских мыслителей. Сеа в своих работах постарался исследовать и обобщить идейное наследие этих авторов. Он характеризует политическую мысль Латинской Америки, говорит о ее специфических чертах и пытается понять, каким образом идеи повлияли на историческое развитие региона.

Начальной точкой в анализе Леопольдом Сеа латиноамериканской социально-политической мысли является тезис о том, что главной особен-

ностью идей этого региона является их ориентированность на западноевропейскую мысль. Как полагает Сеа, главная проблема ибероамериканского континента в том, что люди, родившиеся и живущие на этой территории, абстрагируются от самих себя, бегут от собственной реальности. Сеа пишет: «Нашей позицией было отрицание, игнорирование собственной реальности принятием чужой реальности, которая как таковая исключала наше самоосуществление»¹. Для Леопольдо Сеа проблема философии истории Латинской Америки выступает, прежде всего, как проблема поиска латиноамериканцем своей культурной специфики. Эти поиски совсем не предполагают противопоставление себя всему остальному миру, наоборот, это попытка найти свою роль в многообразном мире, возможные способы диалогического взаимодействия с остальными народами и культурами. Однако это не просто. И в истории Латинской Америки Сеа видит две крайности: либо слепое подражание Европе, либо попытки полного отрицания её политико-исторических принципов. Но, даже в попытках отвергнуть европейские идеи, латиноамериканцы исходят из предпосылок западной культуры. Прежде всего, народам Америки необходимо признать, что, так или иначе, ценности Европы стали частью их истории и именно это должно стать первым шагом к формированию философии собственной идентичности.

Кроме этого, для рассмотрения методологии исследования Леопольдом Сеа социальной мысли, логично обратить внимание на то, каким образом он понимает историю. С его точки зрения, история обретает смысл в зависимости от того, какой «проект» лежит в ее основе. «Проект» — это один из центральных терминов в работах Л. Сеа, который именно он ввел в научный оборот. Он определяется как «некий направляющий принцип, некий ориентир движения как целого»². Таких проектов, по мнению Л. Сеа, было несколько. Первый проект — это христианский проект XVI века, оправдывавший первую волну колонизации. Этот этап включает в себя непосредственно открытие Нового Света, и последующие за ним события. Второй проект — латиноамериканский проект освобождения или либертарный проект XVII–XIX вв., имевший несколько разновидностей. В его рамках основной дилеммой стала проблема выбора пути развития Латинской Америки: либо заимствовать образцы развития европейского мира, либо «перестроить себя с учетом чуждого настоящего, освободившись в то же время от собственного прошлого»³, как это сделали Соединенные Штаты Америки. И, наконец, третий проект — проект самообретения XX в., который предполагал синтез европейского и собственного исторического опыта.

С целью подробнее рассмотреть сущность этих проектов, Сеа обращается к основным представлениям о философии истории, которые были развиты в западноевропейской политической мысли. Открытие Америки, по мнению Сеа, произвело революцию в европейской исторической и фи-

¹ Сеа Л. Философия Американской истории. — М., 1984. — С. 22.

² Там же. — С. 39.

³ Там же. — С. 42.

лософской мысли. В мире появились другие люди, которые могли претендовать на другую историю. Но, с другой стороны, европейцы считали, что история этих народов началась именно тогда, когда они оказались связаны с судьбой западного мира, таким образом, утверждая всемирный и универсальный характер своей истории и мировоззрения. В этом рассуждении мы видим особый акцент Л. Сеа именно на социо-культурные аспекты влияния Европы на Латинскую Америку, экономические и политические факторы становятся в данном случае производными этого влияния. Сеа отмечает: «В чем же в таком случае состоит вклад в мировую культуру, внесенный западным человеком в виде антропологии и истории? Ответ прост: в проекции западной европейской сущности на других людей и другие народы, — проекции своего понимания человека и своей истории, оправдывающей в свою очередь свою экспансию по отношению к другим народам. «.....» Жертвы этой невиданной формы колониализма страдают не только от материального и физического угнетения, но и от угнетения в области культуры как результата самопроекции европейца на открытый им мир». Такое положение порождает у жителей завоёванных территорий, как это ни парадоксально, чувство стыда за несоответствие собственного образа жизни принятым в Европе образцам и правилам, отстраненность от жизни «цивилизованного мира»¹.

С точки зрения этих теоретических предпосылок Сеа переходит к анализу западноевропейских воззрений на историю и сущность колонизированных земель и народов. Как отмечает Л. Сеа, для философа эпохи Просвещения человек, проживающий на завоеванных европейцами землях, становится своего рода идеалом, в связи с тем, что у него еще есть возможность изменить свою историю, направить её по альтернативному пути. «Естественный человек» М. Монтеня или «благородный дикарь» Ж.-Ж. Руссо — вот те идеалы Просвещения, которые могут стать вполне реальными при обращении к жизни колоний. Однако Сеа делает акцент на том, что для философов Просвещения человек, проживающий в Латинской Америке скорее инструмент для анализа своей собственной истории, своего собственного «Я»: «Вся эта непривычная реальность оказывается для него лишь подобием зеркала, в которое смотрится открыватель нового мира в надежде преобразить и подновить свой увядший лик»². Таким образом, другие народы становятся лишь орудием для понимания собственно европейской истории, а не самостоятельными субъектами философии истории.

Рассмотрев философию истории Просвещения, Сеа обращается к пониманию всемирной истории в концепции Г. В. Ф. Гегеля, который считал, что в истории нет места хаосу и неопределенности, она является чем-то предвидимым. Существуют движущие силы, направляющие её. Философия стремится познать эти силы, выявить во всем разум и смысл. Именно, когда жители Европы обнаружили, что в мире есть другие люди, народы, они задумались о своей сущности и смысле собственной истории. До этого подобные вопросы были

¹ Сеа Л. Философия Американской истории. — М., 1984. — С. 53.

² Там же. — С. 55.

невозможны, поскольку не существовало иной истории. Попытки осознания собственной сущности привели западного человека к тому, что он понял и принял своё превосходство над всеми остальными народами, еще не пришедшими к самосознанию. С этим связаны и колонизация, и эксплуатация, они направлялись мировым духом: «Эти другие люди не достигли еще подлинного осознания своего человеческого бытия, следовательно, их человеческая природа взята под сомнение, а раз так, то они и вовсе не состоялись как люди»¹.

Америка, по мнению Гегеля, существует вне истории. Возможно, она еще сможет осуществить какое-то призвание, но пока этого не произошло. В развитии Америки наблюдается противоречие: с одной стороны, её завоевание включило её в историю Европы, по сути основную и на данный момент единственную возможную. С другой стороны, после колонизации Америка потеряла часть своей сущности. И, в связи с этим, необходимо, по мнению Гегеля, на данном этапе, оторваться от западного мира, который был полем мировой истории до этого. Новому Свету пора признать свою свободу и самоосуществиться. От этого зависит, сможет ли континент сыграть свою роль в развитии будущего мирового духа. В этом с Гегелем солидарен и Л. Сеа, который считает, что Латинской Америке необходимо перестать подражать западному миру, отвергать свою сущность. Необходимо понять её и осуществить, что можно сделать путем анализа и глубокого изучения латиноамериканской политико-философской мысли.

Совершенно другое понимание истории и места в ней Америки, отмечает Л. Сеа, мы наблюдаем в классическом марксистском учении. Маркс разделяет всю историю существования человечества на четыре основных формации, а также прогнозирует появление в будущем пятой, коммунистической формации. С одной стороны, Маркс и Энгельс рассматривают формации, основанные на собственности на средства производства. Но параллельно с ними существует азиатский способ производства: «Он присущ народам, не входящим в круг наций, которые впоследствии образовали так называемый западный мир, переросший в своем развитии этот азиатский способ производства»². Эта форма существования людей предполагает отсутствие института частной собственности, всестороннее и неукоснительное подчинение высшей власти, исключительная ценность коллективизма. Сеа отмечает, что Маркс относит к азиатскому способу производства именно те регионы, которые Гегель назвал регионами, находящимися вне истории: Африку, Азию и Латинскую Америку. Исходя из этого, колонизация и экспансия на эти земли становится способом их интеграции в мировое капиталистическое пространство, что могло стать предпосылкой к построению в этих регионах социализма. С одной стороны, завоевание приводит к эксплуатации, но, с другой, она может стать преддверием нового мира, который сможет открыться для неевропейца только при помощи его вовлечения мир капиталистических отношений: «Лишь после

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 8. — Л., 1985. — С. 19.*

² Сеа Л. *Философия Американской истории. — М., 1984. — С. 73.*

того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»¹. Таким образом, с точки зрения классического марксизма колониализм стал предварительным этапом на пути подготовки ко освобождению человечества и построению всемирного социалистического общества.

Краткий обзор основных подходов к философии истории, существовавших с западноевропейской философской мысли, демонстрирует, что завоеванные народы рассматривались как неспособные создать собственную историю без интеграции в западный мир. В этом тезисе рождалось противоречие для латиноамериканских людей, заключавшееся между самобытностью и подражанием, поиском собственной сущности и ориентацией на европейскую идентичность.

Очевидно, что все упомянутые подходы, так или иначе, рассматривают историю человечества с позиций европоцентризма. Такой подход, по мнению Сеа, страдает ущербностью. Здесь он вводит стержневой термин всей своей концепции: понятие диалога: «Сегодня европоцентристский монолог должен уступить место диалогу между теми, кто осуществлял экспансию, и теми, кто страдал от нее. Историко-философскую трактовку Запада следует теперь производить с точки зрения историко-философской трактовки незападного мира»². Диалог, причем не только между Западом и Латинской Америкой, но и внутри её самой. Должно произойти согласование между опытом проектов, привнесенных Европой и собственных проектов, что, в конечном итоге, породит проект самообретения. Сеа отмечает: «Интерпретация проекта самообретения — вот цель, которая наряду с другими вдохновляла этот труд — труд о смысле истории народов нашей Америки. Такова общая установка трактуемой здесь философии латиноамериканской истории»³.

Говоря об основных методологических принципах Л. Сеа, стоит также отметить, что социально-политическая мысль в его анализе не отделяется от непосредственно исторических событий и фактов. История влияет на социальные и философские идеи, идеи рано или поздно влияют на историю, они идут дальше истории, к будущему, находятся в стремлении выработать необходимые решения.

Таким образом, Сеа обращается к истории Латинской Америки, понимание этой истории в европейской философской мысли, демонстрирует свой подход к философии истории, которая, по его мнению, представляет собой серию «проектов», представляющих собой некую совокупность идей, принципов, вариантов решений, предложенных для переустройства действительности в различные периоды становления культурно-исторической целостности.

¹ Сеа Л. Философия Американской истории. — М., 1984. — С. 76.

² Там же. — С. 31.

³ Там же. — С. 43.

Библиография

1. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. — Т 8. — Л., 1985. — С. 19.
2. Сеа Л. Философия Американской истории. — М., 1984.

Исаков Алексей Александрович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры теологии и истории культуры
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

История социально-политической мысли России первой половины XIX века в «Библиотеке факультета политологии МГУ»

Первая половина XIX столетия была решающим временем для становления национальной государственности многих народов Европы. У одних этот процесс был связан с преодолением раздробленности (Германия, Италия), у других — с борьбой против иноземного владычества (Польша, Чехия, Венгрия, балканские страны), начинались аналогичные процессы в Азии. Судьба их оказалась различной, и даже кровавые восстания и войны далеко не всегда приводили к желанной цели. На этом фоне особняком стоит Российская империя, которая на тот момент уже являлась вполне суверенным и единым государством. Тем не менее, расцвет русской культуры, её «Золотой век» — а это главный показатель зрелости национального самосознания — стал плодом вовсе не череды успехов и побед, а длительного и неоднозначного периода, в котором сочетались реформы и контрреформы, великие победы и тяжёлые поражения, революционный порыв и многолетняя охранительная практика. Наверное, лучшей моделью развития России в это время должна быть признана Бородинская битва, перевернувшая ход войны в пользу русского народа, но и принудившая к оставлению Москвы. Подобными чертами вообще богата история нашей страны в начале отмеченного периода, и очевидно, что причиной этого могла быть только глубокая внутренняя диалектика её развития, проявлявшаяся во всех областях народной и государственной жизни. Противоречий, в которых, с одной стороны, как в силках, а с другой стороны, как в колыбели, протекало развитие русского национального самосознания, было немало. Любой русский человек жил в условиях культуры, болезненно раздвоенной и ведущей трудный внутренний диалог с самой собой. Два явления в наибольшей степени определяли темы этого диалога: крепостное право и европеизация.

Крепостное право, существовавшее на тот момент чуть более двухсот лет и достигшее своих наиболее радикальных форм лишь при Екатерине Великой, тем не менее, было определяющим для российской государственности. Крепостные отношения опосредовали отношение большей части на-